

Д.А.Салимова, Ю.Ю.Данилова

АНТРОПОНИМЫ КАК ОБРАЩЕНИЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Рассматривается антропонимический пласт, использованный в роли обращений в текстах писем М.Цветаевой (проанализирован материал всего 172 фрагментов писем), в нескольких аспектах: структурно-функциональном, интерпретационно-стилистическом; обращения анализируются как своеобразный элемент идиостиля поэта. Подчеркивается многослойность и разнообразие в оформлении вокативов, делается попытка связать использование проанализированных языковых элементов с историко-культурной составляющей. Анализ вокативов, своеобразных поэтонимов, проводится с учетом жанра писем и специфики авторского мастерства Марины Цветаевой; делается вывод, что антропоним в цветаевском тексте, хотя и не является поэтонимом в собственном смысле этого слова, выступает как смыслонесущее имя, как троп, использующийся в стилистических целях для характеристики адресата или социальной среды.

Ключевые слова: Марина Цветаева, письма, антропоним, обращения, структура, функция, идиостиль

Основная цель работы — выявить характерные черты антропонимов-вокативов в прозе, выяснить семантику и функции этих средств языка в идиостиле великого русского поэта XX века. Подчеркнем, язык текстов Марины Цветаевой, как и тема обращений, относятся к сегментам лингвистического знания, изученным очень широко и многопланово. Но именно в том ракурсе, что мы обозначили (вокативы в письмах поэта), тема исследована очень мало. Работая над статьей, мы опирались на труды известных отечественных лингвистов-ономатологов и тех, кто занимался проблемой художественного дискурса обращений: В.А.Маслова, О.Г.Ревзина, Л.Ю.Максимов, Т.Е.Янко, В.И.Карасик и др. [1-6]. В работе «Язык социального статуса» В.И.Карасик утверждает, что по своей функции вокативы относятся к неинформативным речевым действиям...«могут быть информативными в той мере, в какой мы извлекаем информацию из единиц прагматического плана языка: в норме эти единицы неинформативны, поэтому любое отклонение от шаблона несет новую информацию индексального либо эмоционального характера» [2, с. 194].

Материалом для исследования послужили фрагменты писем М.И.Цветаевой за период с 1905 по 1941 годы, которые были собраны многочисленными исследователями ее творчества и позднее опубликованы в сборнике «Собрании сочинений» [7]. Фактический материал содержит 172 фрагмента писем, обращенных к современникам М.И.Цветаевой (родственникам, знаменитым писателям, политикам и др.).

Если рассмотреть обращения к адресату в письмах поэта с точки зрения структуры вокативов, видим: имеется большое количество самых разнообразных (и односоставных, и многосоставных) обращений к адресату. Наш фактический материал позволил нам выделить среди односоставных обращений шесть групп аппеллятивов из 9, обозначенных в научной литературе: местоимения 2-го лица (*ты, вы*) и междометия (*Эй! Ау!*) в виде обращений в эпистолярном наследии М.И.Цветаевой не функционируют.

1 группа представлена «классическим корпусом», полными именами или фамилиями, такими, как *Пастернак; Вера и Лиля! Всеволод, Борис;* и др. «*Лани, если Вы меня немножко помните, радуйтесь за меня!*» [7, с. 180]; «*Пастернак, у меня есть к Вам просьба: подарите мне на Рождество Библию: немецкую, непременно готическим шрифтом, не большую, но и не карманную: естественную*» [там же: 228]; «*Борис! 1-го февраля, в воскресенье, в полдень родился мой сын Георгий.*» [7, с. 242].

Особо выделим обращения, производные от имен собственных, это, как правило, усеченные (гипокористические) имена типа *Макс, Максенька, Петя, Верочка, Адя, Понтик, Валенька, Борюшка, Лилися* и т.п. Реже в дискурсе цветаевских писем встречаются производные фамилий адресата типа *Ланнушка*. Такие аппеллятивы часто образуются за счет словообразовательных диминутивных суффиксов *-очк-, -еньк-, -ушк-, -ик-, -чик-* и др., содержащих коннотативную семантику положительной субъективной оценки. «<...> *Ах, Петя* (П.И. Юркевич), *найди бы только дорожку!*» [7, с. 19]. «*Сашенька и Верочка! Я еще жива...*» [7, с. 151]; «*Ася! Приезжай в Москву*» [7, с. 191]; «*Знай одно, Максенька: если тебе когда-нибудь понадобится соучастник в какой-нибудь мистификации, позови меня...*» [7, с. 49]; «*Скоро напишу, Борюшка, это письмо не в счет*» [7, с. 261];

Следует отметить, что чаще всего М.И.Цветаева в своих письмах обращается к адресату по имени не в «чистом виде», а предпочитает определения *дорогой(-ая, -ые), милый(-ая, -ые), родной(-ая, -ые)*. Обращения, представляющие собой полные либо усеченные отчества, используемые вместо имени, так широко употребительные в текстах XX века (*Петрович, Иванович, Саныч*), в контексте цветаевского эпистолярного обнаружено нами не были. Это вполне закономерно и обусловлено несколькими факторами: а) мы имеем дело с письменным эпистолярным наследием поэта (письменный текст отличается от устной неподготовленной спонтанной речи); б) следует учитывать временной срез исследуемого материала: стиль и манера письма, как и в целом коммуникации, начала XX века русской интеллигенции.

Во 2 группу нами включены цветаевские аппеллятивы-прозвища. Эта группа немногочисленна и представлена интимными прозвищами: в своих письмах М.И.Цветаева обращается к адресатам *Кисенька, Голубчик: «Голубчик, Вы глубоко-правы...»* [7, с. 563].

Однако отметим: односоставные обращения подобного рода малочисленны, в контексте цветаевских писем доминируют многосоставные аппелятивы. В частности, в состав которых входят номинации *голубчик, кисенька* и т.п. Фрагмент одного из писем В.К. Генерозовой: *«Милая Кисенька моя, думаю, что вскоре напишу Вам длинное письмо Ваша МЦ.»* [7, с. 30]. Такие аппелятивы нами рассмотрены и описаны как многосоставные.

3 группу выделенных нами аппелятивов составляют так называемые «**поэтические**» обращения, примерами которых служат нижеприведенные фрагменты: *«...Арлекин! — Так я Вас окликаю. Первый Арлекин за жизнь, в которой не счесть — Пьеро!...»* [7, с. 659]; *«Лувиенька, вчера и сегодня все время думаю, с большой грустью, о том, как, должно быть, растрожила Вас моя телеграмма»* [7, с. 134]; *«Лёвашенька! Завтра отправлю Вам деньги телеграфом. Вера дала Тане чек, и Таня достает мне — когда по 10 рублей, когда больше»* [7, с. 138]; *«Мартыха! Не забывай по вечерам молиться за всех, кого ты любишь»* [7, с. 144]; *«Мартышенька, почему ты мне не присылаешь рисунков?»* [7, с. 145]. Эти «поэтические» обращения разные по своей природе: в контексте писем можно обнаружить обращения-метафоры (*Арлекин! Чародей! Душенька*), семантические окказионализмы (*Лёва, Медведюшка, Лососина*) и собственно окказионализмы (*Влюблезьяна, Мурлыга! Пра, Лёвашенька! Мартыха! Мартышенька!*).

Разнообразны, с точки зрения компонентной структуры, и многосоставные обращения. Нам удалось выделить несколько групп обращений, различающихся своей коммуникативной установкой. Традиционными для любого письма (и любой коммуникативной ситуации) в русском обществе являются **комбинации имени, отчества и фамилии** — это первая группа аппелятивов. В этом смысле письма М.И.Цветаевой не исключение. В них мы обнаруживаем обращения типа *Константин Федорович, Андре Жид*. Например: *«Ах, Константин Федорович, сколько картин Вас ждут в Сицилии!»* [8, с. 644]. В цветаевском эпистолярии подобные обращения в «чистом» виде не распространены; чаще встречаются в сочетаниях с субъектно-оценочными определениями *дорогой, милый* и т.п.

Этикетные обращения, составляющую вторую группу, встречаются в письмах М.И.Цветаевой чаще, чем обращения предыдущего типа. В них можно обнаружить этикетно-именные типа *Господин Андре Жид, Товарищ Берия, товарищ Павленко, Господин Полан, господа Лебедевы, г-жа Ломоносова* и др. Эти обращения встречаем в следующих фрагментах писем: *«Господин Андре Жид, пишет Вам русский поэт, переводы которого находятся у Вас в руках»*; реже в контексте цветаевских писем можно обнаружить этикетно-должностные обращения: *«Милостивый Государь, г-н Редактор, Не откажите в любезности поместить в Вашей газете нижеследующее...»* [7, с. 45]; такие номинации подчеркнuto демонстрируют положительный настрой письма, уважение к адресату, и рассчитаны на положительную реакцию последнего.

Одной из самых частотных групп в контексте цветаевских писем становятся обращения-имена, представляющие собой **субъективно-оценочные сочетания**, демонстрирующие отношение автора писем к своим адресатам; как правило, это многосоставные обращения.

Нам представляется возможным выделить номинативно-личные (адресатные) обращения типа *Дорогая Аля! Дорогая Лиленька! Дорогие Богенгардты! Мой родной Борис, Многоуважаемая Александра Александровна! Мой дорогой Макс, Милый лев Львович, Многоуважаемый Валерий Яковлевич* и многие другие. Например: *«Многоуважаемая Александра Александровна! Сердечно благодарим Вас за Ваш чудный подарок!»* [7, с.16]; *«Милые Жозефина Густавовна и Константин Федорович! Из Палермо мы приехали в Катанию»* [с. 101]; *«Мой дорогой Пастернак! Мой любимый вид общения — потусторонний: сон: видеть во сне. А второе — переписка»* [7, с. 225]. В состав таких обращений включаются и полные имена адресатов, и производные от них за счет уменьшительно-ласкательных суффиксов, и различные комбинации имен, отчеств и фамилий, сочетающиеся с определениями типа *дорогой, милый, многоуважаемый, мой* и содержащие субъективно-положительную оценку; это маркеры цветаевских обращений и отношения к адресату писем, задающие тон письму и в целом формирующие его эмотивное пространство.

Особую группу составляют **индивидуально-авторские «поэтические»** многокомпонентные обращения М.И.Цветаевой. Это, как правило, развернутые (с авторским комментарием) аппелятивы окказионального, основанные на структурной или когнитивной трансформации имени, или метафорического (за счет поэтического переосмысления имени адресата) характера и адресованы поэтом близким, дорогим, любимым людям.

Из письма Евгению Львовичу Ланну: *«Ланнушка (через мягко-L) — равнодушный собеседник моей души, умный и безумный Ланн!* Из письма Елене Оттобальдовне Волошиной: *«Милая Пра, я тебя очень люблю. Пра, ты любишь Марину? Спасибо тебе за брошку.»* [7, с. 81]. Из писем Елизавете Яковлевне Эфрон: *«Дорогая Лиленька, За неимением шоколада посылаю Вам картинку.»* [7, с.84]; *«Милая Лилия, Сегодня я ночевала одна с Алей, — идеальная няня ушла домой»* [7, с. 85]; *«Милая Лососина, Сережа 10-го уехал в Коктебель с Борисом, я их провожала»* [7, с. 87].

Нами выделены среди многокомпонентных обращений две группы, которые в общих универсальных классификациях не представлены. Это небольшая группа, представляющая **«синтетические формы» обращения** (термин авт.), которые можно представить в виде некоего исключения и как определяющие специфику идиостиля М.И.Цветаевой: два фрагмента, содержащих обращения как сочетание официальной и «интимной» форм: *Товарищ Ланн — дружочек!* и *Милый г. Зайцев!* *«Товарищ Ланн — дружочек! — я Вас уже просила — и еще прошу, — ради Бога! — если только есть какая-то возможность — пошлите Асе тысячу двадцать пять!»* [7, с. 171]; *«Милый г. Зайцев! Нельзя ли устроить мне заочно удостоверение на академический паек (апрельский)»* [7, с. 217].

В контексте эпистолярия М.И.Цветаевой нами обнаружены обращения, построенные по типу однородных членов предложения: *Мой Арлекин, мой Авантюрист, моя Ночь, мое счастье, моя страсть* [7, с. 661]; своего рода семантическая градация образов, авторских ассоциаций, возникающих в представлении относительно адресата-собеседника.

Анализ функциональной нагрузки обращений в эпистолярном наследии М.И.Цветаевой позволил выявить, что по сути своей все обращения, посредством которых коммуникант именует адресата своей речи/письма, реализуют **номинативную функцию**. В «чистом виде» эту функцию выполняют антропони́мы без каких-либо определений, диминутивных суффиксов, имена: *«Ася! Приезжай в Москву»* [7, с. 191]; *«Борис, мне все равно, куда лететь»* [8, с. 644].

Обращения демонстрируют личное отношение субъекта к адресату, тем самым реализуют **характеризующую**, или **оценочную** (оценочно-экспрессивную) **функцию**. Как уже было отмечено, в своих письмах М.И.Цветаева использует различные средства демонстрации и выражения авторского восприятия и отношения к адресату; данная группа вокативов самая частотная. Индикаторами авторского отношения могут стать: диминутивные суффиксы при трансформации имен собственных: *«Сашенька и Верочка! Борюшка, Ланнушка»*; качественные прилагательные как определения антропони́мов, что сочетается своеобразными звуковыми вариантами имен: *«Мой милый и нежный Гуль! (Звучит, как о голубе.)* [7, с. 518]; *«Милый Дода, Я не так самонадеянна...»* [8, с. 96]; *«Милая Валечка. Если бы ты знала, как хорошо в Ялте!»* [7, с. 31]; *«Многоуважаемый Валерий Яковлевич, Сейчас у Вольфа Вы сказали: «...хотя я не поклонник Rostand»... «Дорогой Макс, Если бы ты знал, как я хорошо к тебе отношусь!»* [7, с. 49]; окказиональные (семантические и словообразовательные) и метафорические номинации: *«Милая Кисенька!» «Луви́нька»; « Душенька ты моя лёвская»; «Мартышенька, почему ты мне не присылаешь рисунков?»* [7, с. 145]; *«Дорогая Пра, «Милая Лососина!»* и др. Отметим: в пределах одного обращения Цветаевой наблюдается наложение номинативной и характерологической (оценочной) функций, в то же время можно говорить об **этикетной**, или **социально-регулятивной**, функции вокативных / апеллятивных номинаций.

В своих письмах поэт следует речевым общепринятым нормам и выбирает обращения к своим «собеседникам» в соответствии с их социальным статусом и с учетом специфики межличностных контактов с ними; в дискурсе цветаевского эпистолярия можно обнаружить в зависимости от сферы общения от подчеркнуто официальных до фамильярных, интимных обращений: к официальным лицам, политическим деятелям, представителям интеллигенции и т.д. М.И.Цветаева, учитывая культурный, исторический и геополитический контекст, использует частотные этикетные (формальными) вокативы для мужчин — *государь, господин*, для женщин — *сударыня, государыня*, традиционные для коммуникативной практики дореволюционной России. Приведем три фрагмента цветаевских писем: *«Милостивая государыня, Простите, что отвечаю Вам так поздно, но письмо Ваше от 2-го ноября получила только вчера — 14-го»* [7, с. 334]; *«Многоуважаемый господин Яценко, Простите за невежливое молчание: молчала нечистая совесть. [7, с. 220]; «Многоуважаемые господа Лебедевы! Согласно поручению моей сестры, Анастасии Ивановны Трухачевой, прошу Вас выдать ее вещи (в ящиках и мебель) Алексею Антоновичу Борисову»* [7, с. 148]. При этих обращениях стоят определения *милостивый(-ая), многоуважаемый(-ая)*, представляющие собой коммуникативно-вокативное клише; часто встречающиеся определения *милый(-ая)* и реже *дорогой(-ая)*, на наш взгляд, являются прагматическим «ходом»: ее стремление расположить к себе адресата (в письме выражена просьба): *«Милый г. Зайцев! Нельзя ли устроить мне заочно удостоверение на академический паек (апрельский)»* [7, с. 217]; или же выразить слова благодарности: *«Дорогой господин Пастернак. С благодарностью уведомляю Вас, что сумму в 1300 франков получила...»* [7, с. 295].

В письмах послереволюционного периода в письмах М.И. Цветаевой появляются обращения с компонентом *товарищ*, обычно это обращения парработникам, политическим лидерам и т.п. Например, ее письмо Л.П.Берия: *«Товарищ Берия, Обращаюсь к Вам по делу моего мужа, Сергея Яковлевича Эфрона-Андреева, и моей дочери — Ариадны Сергеевны Эфрон, арестованных: дочь — 27-го августа, муж — 10-го октября сего 1939 года»* [8]. Специфика обращений обусловлена сложившейся социально-исторической ситуацией в стране (Россия → СССР), которая повлекла за собой смену коммуникативно-апеллятивной традиции; письмо Петру Андреевичу Павленко, советскому писателю, к которому она обратилась за помощью, когда однажды ее выселили из квартиры вместе с сыном, и они остались без жилья: *«Многоуважаемый товарищ Павленко, Вам пишет человек в отчаянном положении...»* [8, с. 699].

В коммуникативном эпистолярном дискурсе М.И.Цветаевой в это же время продолжают встречаться обращения *господин, сударь* и т.п. Они адресованы представителям интеллигенции (и русской, и иностранной) за рубежом. Как известно, в русской традиции за образец принято обращение на Вы и по имени и отчеству. В письмах М.И. Цветаевой это одна из самых частотных форм: *Евгений Львович, Борис Леонидович, Лев Львович* и др.: *«Дорогая Анна Андреевна! Так много нужно сказать — и так мало времени!»* [7, с. 200]; *«Мой дорогой Илья Григорьевич! Передо мной Ваши два письма: от 5-го сентября и от 20-го Октября. Получила их сегодня у Изабеллы Григорьевны»* [7, с. 210].

В письмах к родным, близким, дорогим, любимым людям М.И. Цветаева импровизирует в своих обращениях: от личных имен (*Вера, Борис, Аля*), их производных (*Сереженька, Борюшка, Максенька*) и всевозможных трансформаций (*Лиля, Лиленька, Лилися* от имени *Елизавета*) до метафор (*моя Ночь, мой Авантюрист, Арлекин* к К.Родзевичу) и окказионализмов (*Пра, Мартыха, Лососина, Мурлыга*) — в письмах этикетная функция практически сведена к нулю.

Из указанных в специальной литературе функций обращений (собственно звательная, фиктивно-звательная, условно-звательная (устанавливает контакт с образами, созданными самим писателем) и координационно-звательная) нами в письмах поэта обнаружены все типы. Эти функции в письмах М.И.Цветаевой также реализуются в зависимости от экстралингвистических факторов: степень близости, социальная обусловленность, личное отношение к адресату; идентификация и/или характеристика адресата в коммуникативном пространстве; выражение оценки и эмоций автора письма по отношению к его адресату; проявление вежливости и соблюдение коммуникативных норм того или иного лингвосоциума. Поэт, многие годы своей недолгой жизни оставшийся одиноким человеком, в своих письмах (своеобразный путь общения с другими) реализовал, возможно, весь арсенал «коммуникативного голода» именно через формы обращения! **Доказательство тому — приведенный выше отрывок: «Мой любимый вид общения — потусторонний: сон: видеть во сне. А второе — переписка».**

Подводя итог проведенному исследованию, мы можем сделать вывод о том, что дискурс М.И.Цветаевой в контексте обращений характеризуется высоким уровнем эмоциональности и богатой палитрой средств и способов выражения, что лишний раз подтверждает тезис о том, что язык М.И.Цветаевой отличается феноменально богатым корпусом использованных речевых средств и форм. Выбор обращений в письмах М.И.Цветаевой напрямую зависит от межличностных отношений и может варьироваться от строго официального до интимного. Особенно ярко эта особенность просматривается при анализе цепочек писем, адресованных одному человеку (самый яркий пример: *Многоуважаемый Максимилиан Александрович — Дорогой Макс — Милый Макс — Милый Максинька — Милый Медведюшка*). Так, антропоним в цветаевском тексте писем, хотя и не является поэтономим в собственном смысле этого слова, выступает как смысловнесущее имя, как троп, использующийся в стилистических целях для характеристики адресата или социальной среды.

1. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный Русский язык. Ч. 3. Синтаксис. Пунктуация. М., 1987. 256 с.
2. Карасик В.И. Язык социального статуса: Монография. М.: Ин-т язык-я АН СССР; Волгоград. пед. институт, 1991. 495 с.
3. Маслова В.А. Марина Цветаева: Над временем и тяготением. М.: Экономпресс, 2000. 224 с.
4. Ревзина О.Г. Собственные имена в поэтическом идиолекте М.Цветаевой // Поэтика и стилистика. 1988—1990. М.: Наука, 1991. С. 172-192.
5. Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю. Время и пространство как категория текста: теория и опыт исследования (на материале поэзии М.И.Цветаевой и З.Н.Гиппиус): Монография. М.: Флинта-Наука, 2009. 200 с.
6. Янко Т.Е. Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей // Язык и речевая деятельность. Т. 11. СПб., 2011. С. 239-255.
7. Марина Цветаева. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6-7. М.: Эллис Лак, 1995.
8. Цветаева М. Неизданное: Записные книжки: В 2 т. Т. 1-2 / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б.Коркиной и М.Г.Крутиковой. М.: Эллис Лак, 2000, 2001.

References

1. Babaytseva V.V., Maksimov L.Yu. Sovremennyy Russkiy yazyk, part 3. Sintaksis. Punktatsiya [Modern Russian language. Part 3. Syntax. Punctuation]. Moscow, 1987. 256 p.
2. Karasik V.I. Yazyk sotsial'nogo statusa: Monografiya [Language of social status: monograph]. Moscow; Volgograd, 1991. 495 p.
3. Maslova V.A. Marina Tsvetaeva: Nad vremenem i tyagoteniem [Marina Tsvetaeva: Over time and gravitation]. Moscow, 2000. 224 p.
4. Revzina O.G. Sobstvennye imena v pochticheskom idiolekte M.Tsvetaevoy [Proper names in the poetic idiolect M.Tsvetaeva]. Poetika i stilistika. 1988—1990. Moscow, 1991, pp. 172-192.
5. Salimova D.A., Danilova Yu.Yu. Vremya i prostranstvo kak kategoriya teksta: teoriya i opyt issledovaniya (na materiale poezii M.I.Tsvetaevoy i Z.N.Gippius): Monografiya [Time and space as a category of text: theory and research experience (based on the poetry of M.I. Tsvetaeva and Z.N. Gippius): Monograph]. Moscow, 2009. 200 p.
6. Yanko T.E. Leksicheskaya semantika obrashcheniy: semanticheskie osobennosti russkikh antroponomimov i drugikh imen, oboznachayushchikh lyudey [Lexical semantics of salutation: semantic features of Russian anthroponyms and other names denoting people]. Yazyk i rechevaya deyatel'nost', vol. 11. St Petersburg, 2011, pp. 239-255.
7. Marina Tsvetaeva. Works in 7 vols, vols. 6-7. Moscow, 1995.
8. Tsvetaeva M. Neizdannoe: Zapisnye knizhki in 2 vols [Unpublished: Notebooks in 2 vols]. Moscow, 2000, 2001.

Salimova D.A., Danilova Yu.Yu. Anthroponyms as forms of salutation in Marina Tsvetaeva's epistolary discourse. This article examines the anthroponymic layer used as a form of salutation in M. Tsvetaeva's letters (172 letter excerpts were analyzed) in several aspects: structural, functional, interpretative, and stylistic; salutation is analyzed as an original element of poet's idiosyle. The Complexity and diversity of vocatives are emphasized. The authors try to connect the usage of analyzed linguistic elements with a historical and cultural component. The analysis of vocatives, peculiar poetonyms, is conducted with consideration for the genre of letters and for the specifics of Marina Tsvetaeva's writing skills. The following conclusions are drawn: although the anthroponym in Tsvetaeva's text is not a poetonym per se, it plays a role of a semantics carrier, of a trope, which is used with stylistic purposes to characterize an addressee or a social environment.

Keywords: Marina Tsvetaeva, letters, anthroponym, forms of salutation, structure, function, idiosyle.

Сведения об авторах. Дания Абузаровна Салимова — доктор филол. наук, проф., шифр спец.: 10.02.02 и 10.02.01, Елабужский институт ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кафедра русского языка и литературы, daniya.salimova@mail.ru; Юлия Юрьевна Данилова — канд. филол. наук, доц., шифр спец.: 10.02.01, Елабужский институт ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», кафедра русского языка и литературы danilovaespu@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 20.02.2019. Принята к публикации 01.03.2019.